**Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.
2013-2023**

ISSN 0869--1908

URL - <http://vostokoriens.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 1 Том . 2020

**[Рец. на:] Восток на Востоке, в России и на Западе:
трансграничные миграции диаспоры. Автор проекта,
научный и литературный редактор С. А. Панарин.
СПб.: ИВ РАН, Нестор-История, 2016, 314 с. ISBN 978-
5-4469-0883-7**

Перепелкин Лев Станиславович

Института востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация, Москва

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 28.02.2020

Ссылка для цитирования:

Перепелкин Л. С. [Рец. на:] Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции диаспоры. Автор проекта, научный и литературный редактор С. А. Панарин. СПб.: ИВ РАН, Нестор-История, 2016, 314 с. ISBN 978-5-4469-0883-7 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2020. — Выпуск 1 С. 218-223 . URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080006149-0-1/>. DOI: 10.31857/S086919080006149-0

¹ Рецензируемая книга представляет собой продолжение многолетнего коллективного исследования, часть которого уже была опубликована¹. Речь в ней идет о трансграничных миграциях и диаспорах. Связанные с ними проблемы уже не один год нарушают спокойствие во многих уголках мира. Достаточно вспомнить один из последних случаев (2018 г.), когда сотни, а то и тысячи граждан стран Центральной Америки осаждали южные границы США. Можно предположить, что проблемы эти с течением времени будут все более обостряться.

² Характерная черта данного исследовательского проекта – участие в нем многонационального научного коллектива и широкий тематический диапазон. Авторы книги – ученые из различных исследовательских центров России, Италии и Монголии. В книге идет речь и о миграциях различных типов, различающихся по целям, странам / регионам выбытия и прибытия, этническим характеристикам мигрантов и т.д., и о проблемах восприятия и адаптации мигрантов в принимающей стране, и о формировании диаспор, изменениях практик мигрантского поведения, и о других злободневных вопросах, так или иначе связанных с безопасностью как самих мигрантов, так и обществ, в которые они попадают.

³ Книга состоит из Предисловия и трех разделов. В Предисловии Сергей Панарин указывает, что предмет исследования – такие пространственные перемещения, в ходе которых мигранты пересекают границы между бытийными мирами, в той или иной степени различающимися между собой и потому непривычными и чуждыми. Трансграничные миграции объединяются в совокупность, явно или неявно противопоставляемую миграциям внутренним (с. 7–8); представляют собой «многослойное» явление, полное исследование которого трудно поместить под одной обложкой; и в пределе не ограничиваются только актуальными перемещениями, поскольку «даже там и тогда, где и когда потребность в перемещении, казалось бы, веками не возникала, люди отказывались от движения в пространстве все-таки после того, как взвешивали все его возможные плюсы и минусы, т.е. после того, как совершали его **мысленно**» (с. 11. – *выделено автором*). Здесь сформулирована идея, которая редко встречается в литературе о миграциях, – идея о том, что сначала они проигрываются в ментальной области, а уж потом реализуются либо не реализуются на практике.

⁴ В Разделе I «Восток на Востоке: монголо-корейский case с эфиопским дополнением» рассматриваются миграции монголов в рамках Дальневосточного региона, а также проблемы вернувшихся мигрантов в Эфиопии. В Разделе II «Восток в России: восприятие-адаптация-идентичность» поднимаются некоторые социально-психологические вопросы миграции. В Разделе III «Восток на Западе: с разных “Востоков” с разными целями» рассматриваются некоторые проблемы миграций в страны Западной Европы.

⁵ Всего, кроме Предисловия, книга содержит 15 статей, и каждая из них имеет настолько фундаментальную исследовательскую базу (опросы, статистический материал, вторичный анализ имеющейся литературы и проч.), что вряд ли было бы целесообразно рассмотреть здесь их все. Соответственно мы обратим внимание на те, что дают наилучшее представление о книге в целом и чья

тематика редко встречается (если вообще встречается) в русскоязычной литературе. Это статьи Николая Стеблина-Каменского, Дмитрия Полетаева, Сергея Филатова и Раисы Акифьевой (в соавторстве с Валерией Ерашевой).

⁶ Статья Н. Стеблина-Каменского «Волло, Эфиопия: локальное представление о трансграничной миграции и стигматизация вернувшихся» основана на личных полевых наблюдениях и интервью. Мне вообще редко встречались работы, в которых внимательно рассматривались бы проблемы ре-эмиграции и возникновение причин подобного рода «стигматизации» при возвращении. Например, так как миграция преимущественно осуществлялась на Север в арабский мир, выезжающие предпочитали брать себе арабские имена (с. 85). Не всегда экс-мигранты привозили домой деньги, что создавало большие проблемы для их семей (с. 86). Значительная часть населения Волло составляют выходцы с Юга, оромо, которые нещадно эксплуатировались как зажиточными амхара, так и богатыми мусульманскими семьями (с. 87). Оппозиционные силы страны считают, что в миграции виновато бездарное правительство (с. 90).

⁷ Критическое отношение к миграции выявляется и в ходе эмпирических исследований. Так, некоторые информаторы, вероятно стремясь к самооправданию, рассматривают миграцию исключительно как вынужденный шаг. Другие – как жертву, на которую они вынуждены были пойти ради себя и своих близких. Некоторые хотели уехать, но остались (с. 91). Но теперь, собственно, о стигматизации «возвращенцев». Им нередко приписывается желание легких денег, жадность, криминальная деятельность, вспыльчивость и психические расстройства (с. 92–94). Автор даже поднял вопрос об «обратной интеграции трудовых мигрантов» (с. 101). В целом «на уровне дискурса превалирует представление о том, что трудовая миграция – противоестественный процесс, вредящий детям и стране, что риски ее очень высоки, а выигрыш довольно сомнителен. Кроме того, велика вероятность, что человек вернется вспыльчивым, а то и сумасшедшим. На уровне же практик в трансграничную трудовую миграцию вовлечена практически вся молодежь, а на “арабские” деньги построено множество новых домов, имеющих очень высокую символическую ценность» (с. 99–100).

⁸ В данной статье также затронут феномен, который в социологии и антропологии называется «культурным шоком». Последнее понятие означает, что переселенец в другую страну сталкивается не только с разными культурными и социальными стандартами и нормами, но и с существенно различным уровнем, характером и качеством потребления. Наиболее ярко это демонстрируется «культом карго/товаров» у папуасов и меланезийцев, столкнувшихся с европейской культурой.

⁹ Еще одно важное замечание: «Негативный дискурс о миграции, поддерживаемый эфиопским государством и СМИ, на первый взгляд призван уменьшить поток мигрантов. Однако создается впечатление, что скорее образ угнетенных соотечественников-мигрантов используется для консолидации населения страны» (с. 102).

В статье Д. Полетаева «Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в России» рассматриваются некоторые аспекты адаптации и интеграции выходцев из Центральноазиатского региона. Статья базируется на анкетных опросах, а также на многочисленных интервью с женщинами – трудовыми мигрантами из Киргизии и Таджикистана, в ней рассматривается вопрос об отношении россиян к мигрантам из Средней Азии. По словам 80,8% опрошенных женщин-мигрантов, в принимающей стране к ним относятся «хорошо» или «нейтрально». У принимающей стороны представления о мигрантах гораздо более негативны. Так, к представителям Таджикистана, Узбекистана и Киргизии «нормально» относятся лишь 21,6% россиян, «не очень хорошо» – 37,4%, «плохо» – 40,2%. Подобное отношение и к выходцам из Азербайджана, Армении, Грузии, а также республик Северного Кавказа. При этом наши сограждане гораздо лучше относятся к мигрантам из Украины, Молдавии, Белоруссии (с. 180). Есть классический вопрос-тест на ксенофобию и мигрантофобию: «Как вы относитесь к тому, что ваш сын или дочь вступят в брак с мигрантом?». Отрицательно («Никогда не поддержу такой выбор») по отношению к выходцам из Таджикистана ответили 82,6% опрошенных. На том же уровне отношение к мигрантам из Узбекистана, Киргизии, Азербайджана, Северного Кавказа. Чуть лучше отношение к мигрантам из Армении и Грузии (соответственно 76,1 и 73,4% отрицательных ответов). Вполне благожелательное отношение к бракам с выходцами из Украины, Молдавии и Белоруссии, хотя следует отметить, что молдаване все-таки вызывают у наших соотечественников высокую настороженность (54% отрицательных ответов) (с. 181). Можно предположить, что ксенофобия и мигрантофобия во многом связаны с религиозной и культурной дистанцией между мигрантами и россиянами (с. 182). Выходцы из республик Северного Кавказа относятся к обеим категориям.

¹¹ Автор исследования так резюмировал этот раздел работы: мигрантофобия «уменьшает возможность для взаимодействия и общения трудовых мигрантов с местными жителями, она снижает скорость их адаптации в российском обществе. Помимо всего прочего, она снижает их доверие к государственным сервисам, персонал которых также заряжен мигрантофобией и в лучшем случае не отличается дружественным настроем по отношению к мигрантам (с. 182). Настороженное отношение россиян к мигрантам заставляет тех искать поддержку у «своей» диаспоры, преимущественно у соотечественников, уже «укрепившихся» в России. При этом «старые» мигранты не только помогают вновь прибывшим в сфере работы, но и пытаются установить контроль за поведением земляков, особенно молодых женщин. Вплоть до того, что могут связаться с их родственниками. Это дополнительно замедляет адаптацию мигрантов в России и может нести репутационные издержки на родине (с. 182–183). Более 60% таджиков и киргизок в случае возникновения трудностей намерены обратиться к родственникам или землякам в России или на родине и только менее 5% к кому-нибудь из местных жителей.

¹² При этом автор отмечает, что «стремление... мигрантов к освоению новых для них моделей поведения, присущих россиянам, гораздо сильнее, чем можно было ожидать» (с. 186). Интересны следующие ответы (соответственно москвичи и мигранты, %):

13	Скорее стараются(<i>юсь</i>) соблюдать свои традиции и обычаи	москвичи	мигранты
		41,5	<u>69</u>
	российские традиции и правила	3,2	29

14 Мигранты не хотят соблюдать наши традиции и правила (54,3 – ответ москвичей) (с. 187). Автор констатирует, что мигранты меняют свой образ жизни только на время пребывания в России, а на родине возвращаются к традиционным практикам (с. 189).

15 Между тем многие мигранты из Средней Азии ощущают Россию как более свободную страну, чем свою собственную, особенно молодежь, которая «стремится выйти из-под традиционного контроля общества». Тем более что после распада СССР в Средней Азии произошла заметная архаизация, которая, правда, стала замедляться.

16 По поводу вероятности того, что часть трудовых мигрантов останется в России навсегда, Д. Полетаев пишет следующее: «В особенности сильны более свободные, менее регламентированные межличностные отношения в российском обществе, в том числе между полами, финансовая независимость, иной даже в быту образ жизни меняет женщин – трудовых мигрантов, и они не видят возможностей для возвращения на родину» (с. 189, 191).

17 С. Филатов в статье «Русская православная церковь и трудовая миграция из ареала ислама» рассматривает отношение православных и РПЦ к трудовым мигрантам, которое представляет особую проблему только тогда, «когда оно обращено на представителей народов, традиционно исповедующих ислам или традиционно ассоциируемых с мусульманским вероисповеданием». Доля мусульман в миграционных потоках составляет от 2/3 до 1/2 (с. 214–215), при этом опросы показывают, что среди верующих-православных отношение к трудовым мигрантам-мусульманам хуже, чем среди остальных граждан России (с. 216). Автор задается вопросом: «Может быть, основные противоречия вызваны, в первую очередь, специфическим поведением самих мигрантов?» (с. 217).

18 Требования верующих-православных сосредоточены на прекращении миграций и изгнании иммигрантов-мусульман на родину. «В идеологии многочисленных православных военно-спортивных и патриотических клубов и движений заметное место занимает идея сплочения на основе православной веры против иноверческой мусульманской экспансии» (с. 218).

19 Руководство РПЦ считает своим долгом защиту православных как в России, так и по всему миру. Однако на этом уровне отношение православия к исламу является вполне терпимым, что объясняется хорошими связями между руководством обеих конфессий, сходством идеологических пристрастий глав обеих религий, а также минимальностью исламского прозелитизма в России (с. 219–220). При этом руководство РПЦ обвиняет некоторые группы мусульман (но далеко не всех) в радикализме и разжигании конфликтов (с. 221).

20 Очевидно стремление Патриарха к взвешенным оценкам. Более того, Патриархат настроен на конструктивную работу с мигрантами. Так, «В 2012 г. РПЦ начала систематическую работу среди гастарбайтеров. Координация этой работы возложена на Миссионерскую комиссию при Епархиальном совете города

Москвы. /.../ Цель комиссии – способствовать интеграции мигрантов в русскую культурную среду. Комиссия сотрудничает с Федеральной миграционной службой, разработала ряд программ, апробированных и действующих в настоящее время. В частности, это языковые курсы, обучение основам культуры и законодательства Российской Федерации, экскурсии и беседы с мигрантами, выпуск различной просветительской литературы на русском языке с параллельным переводом текстов на языки народов Средней Азии» (с. 222). РПЦ участвует и в целом ряде других проектов, связанных с адаптацией мигрантов (с. 223).

²¹ С. Филатов условно выделяет несколько направлений интеграционной политики РПЦ: «либеральное», связанное с помощью всем мигрантам вне зависимости от вероисповедания, и миссионерское, призванное крестить мусульман. При этом миссионерские действия могут быть хотя и не агрессивными, но весьма активными (с. 224–225). В Интернете какое-то время назад была размещена информация о том, «что благодаря этой стратегии от ислама отреклись 1479 человек. Достоверно известно примерно о ста мусульманах, обратившихся в результате миссионерской практики о. Даниила в православие. В основном это этнические татары, но среди них и таджики, и узбеки, и даже пакистанец из числа бывших ваххабитов» (с. 227).

²² Статья Р. Акифьевой и В. Ерашовой «Культурные и интеграционные практики русскоязычных женщин в процессе брачной миграции в Нидерланды» посвящена адаптации наших соотечественниц в странах Запада в условиях межкультурных браков (или, как это называют авторы, «смешанных союзов»).

²³ Конечно, миграция в Нидерланды предполагает ряд требований со стороны властей, которые придерживаются «ограничительной миграционной политики». Среди них: базовые знания нидерландского языка, знакомство с историей и устройством страны; сдача соответствующего экзамена, что требует значительных временных и материальных затрат; в случае брачной миграции требуется доказательство финансовой состоятельности партнера; проживание на территории Нидерландов сроком от трех до пяти лет с действующим видом на жительство. «В целом брачная миграция – весьма трудоемкий и затратный процесс», резюмируют авторы.

²⁴ Первым шагом в исследовании было определение этничности/идентичности в контексте миграции, ибо «...личные интеграционные проблемы ставятся в казуальную связь с обобщающими этническими категориями: работу найти трудно – голландцы не помогают; трудно найти друзей – у голландцев иные представления о дружбе» (с. 279–280). Кроме того, важными аспектами идентификации являются определение себя как жителя большого/малого города и профессия (с. 280).

²⁵ Переезжая в другую страну, трудно избежать предрассудков и дискриминации, и это особенно касается брачной миграции. «Наши респондентки явно воспринимают себя в качестве стигматизированной группы, основания – транслируемый СМИ образ меркантильной русскоязычной женщины». При этом респондентки хотя и описывают личный опыт столкновения с дискриминацией и

предвзвещениями, в том числе и со стороны родственников партнера» (с. 281), но сами акцентируют романтические причины переезда.

²⁶ Конечно, когда речь идет о миграциях, важный вопрос заключается в представлении о гендерных ролях. Существуют некоторые различия между нидерландской и российской моделями семьи. Нидерланды относятся к странам с «сильной» (со своими отличиями от других стран) моделью семьи, которая характеризуется тенденцией к равенству мужчин и женщин в семье и выполняемых ими функциях. Российская/советская модель семьи относится к «слабому» типу, в первую очередь потому, что большая часть заботы о быте и детях – прерогатива женщин, притом что оба супруга, как правило, работают (с. 283). Следует отметить, что у части респонденток наблюдается так называемая этнизация нарративов, т. е. они пытаются объяснить межстрановые различия гендерных моделей этнической принадлежностью супруга (с. 284). Различия в гендерных моделях подчеркиваются и тем обстоятельством, что «по сравнению с голландками русскоязычные женщины “более женщины” не только по взглядам, но и по внешнему виду. В первую очередь это проявляется в том, как они одеваются. Женственность в одежде для них означает предпочтение юбок и платьев, обувь на каблуках. Стиль одежды может быть использован в качестве ресурса для конструирования этнической идентичности, для поддержания границ между “своей” и “другой” группой» (с. 285).

²⁷ Очень важным аспектом для самоидентификации русскоязычных брачных мигрантов в Нидерландах является профессиональный статус, так как «респондентки полагают профессиональную занятость важным индикатором успешности человека и его уровня образованности» (с. 286). При этом многие женщины описывают историю своей миграции как самопожертвование, так как в результате произошла нисходящая социальная мобильность. При этом соотечественницы используют любые возможности для возвращения утраченного профессионального статуса (с. 287).

²⁸ Надо сказать, что славянские мигрантки стремятся к культурной интеграции в Нидерландах. Это выражается в изучении голландского языка (хотя многие в быту пользуются английским), в стремлении отмечать голландские праздники. Хотя и здесь не все происходит гладко. Так, русскоязычные брачные мигрантки не прочь отмечать и российские/советские праздники, зачастую незнакомые голландцам. Но «иногда это встречало сопротивление, приводило к конфликтам» (с. 288). Авторы так резюмируют этот раздел своей работы: «Можно говорить о культурном обмене в семьях, причем приобщение партнера к “русским” культурным практикам происходило путем переговоров и по инициативе женщины» (с. 288).

²⁹ Хотя женщины-мигрантки оказались в стране с чужой культурой, брачная миграция позволяет уже на ранних этапах войти в социальные сети местных жителей. В первую очередь это касается родителей и родственников супруга. Если вначале родственники и проявляли этнические предвзвещения, они затем пересматривали свои позиции, и во время интервью респондентки отзывались о них сугубо положительно» (с. 289). Но при этом, что совсем не удивительно, «многие женщины с опытом проживания в Нидерландах на момент интервью

больше всего общались с русскоязычными мигрантами и со смешанными парами» (с. 290).

30

* * *

³¹ Рецензируемая книга дает насыщенную палитру представлений о различных аспектах миграционных процессов. Все ее разделы используют «живой» социологический материал, они хорошо фундированы и опираются на глубокую исследовательскую традицию. Я уверен, что книга не «потеряется» среди других исследований аналогичного профиля.

Примечания:

1. См.: Панарин С. (отв. ред.) Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.). СПб.: Интерсоцис, 2012; Панарин С. А., Польшин Д. И. (ред.) Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации. Материалы международной конференции. М., 15–16 окт. 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013; Панарин С. А. (отв. ред.). Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015.

[Review of:] Perepiolkin L. S. East in the East, in Russia and in the West: cross-border migrations and diasporas. Ed. S. A. Panarin. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies of the RAS, Nestor-Istoriia, 2016, 314 p. ISBN 978-5-4469-0883-7

Lev Perepiolkin

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Moscow, Russia*

Abstract

Keywords:

Date of publication: 28.02.2020

Citation link:

Perepiolkin L. [Review of:] Perepiolkin L. S. East in the East, in Russia and in the West: cross-border migrations and diasporas. Ed. S. A. Panarin. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies of the RAS, Nestor-Istoriia, 2016, 314 p. ISBN 978-5-4469-0883-7 // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2020. – Issue 1 C. 218-223 . URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080006149-0-1/>. DOI: 10.31857/S086919080006149-0